

Самоглядное зеркало

Жил дед да баба. Жена умерла, осталась дочка. Дед женился на другой. Дочка была престрашная красавица у яво. Вот она [мачеха] баба невзлюбила девушку, куды хошь денсья. Вот она пошла в ляса дремучие: куда-нибудь пойду — найду себе где жить. Вот она пошла по темным лесам. Вот она ишла-ишла-ишла, вот пришла она, в дрямуцым тым лясу таки хоромы, что ни в сказке сказать, ни пярм написать.

Ну, вот она как влезла в эты хоромы и пошла по всем комнатам, везде тут все очень прекрасно, прямо везде как зеркало. Она идет как хозяйка. Нет никово там нигде. Вот она забралась под кровать и легла, дожидает вецара. Вот в ноц стуцит, гремят. Вот приехало двенадцать их разбойников. И она видя: понанесли, понавезли, стали тут пить-ись вециром. Тут у их все хорошее, тут и вино всякое виногранное. Вот оны пили-ели, говорят, што русским духом тут пахне. Один поговорит и другой: «Што такое, тут онна птица только залетала». Промеж себя и столковали, што такое. «Или старая — будем бабушкой звать, или молодая — то нянюшкуй, а ежели красная девица — будем звать сестрицей». Оны объясняют, рады — што никто к ним сюда не проходил.

Вот она к им вышла. Им как онному она понравилась. Оны вси сказали, што будем тебя звать вси сестрица. Яны вси на яну сдалися, все хозяйство ей, все! Яны видя, што яна больно красивая. «Живи хоть сколько хочешь». Оны на ее все бросали и отправлялись, куда им надо. Она тут готовилась, всех их дожидала, принимала.

Вот тая старуха, matka-то, стала в зеркало заглядывать, спрахывать, што, зеркало самоглянное, есть ли кто на свете красивее меня? А зеркало сказало: «Ты красива, дочь твоя красивее». Ну вот она: «Зеркало, как бы мне найти?» А зеркало сказало: «В темном лясу, в тайке, в разбойниках». Вот она справилась и пошла в этот лес. Вот она там искала-искала, покуль нашла этот дом. Вот она сюда взошла. Как этой красиво казалось, так и ёй. Вот эта девушка вслыхала, что кто-то стуцит, гремит — их никогда днем не было, этих разбойников, а тут слышит стук и гром. Вот она вышла и увидала, што это мать. Вот тут она ее переняла. Тут плакали-рыдали, всево было у них, уцащала и угощала, как добрую. Вот она будто с радости: «Вы со мной не пойдете домой, а вот я вам гостинца платьеце принесла. Вы мое платьеце наденьте, я на вас посмотрю». Вот она стала надевать. Она в тот момент — надела платье и готова — как вмерла. А эта отправилась.

Вот приезжают эти двенадцать разбойников, приезжают, заплакали, затужили, што с ей случилось? Вот оны говорят: «Мы яну вымоем, гроб сделаем хороший, в гроб положим». Как стали яну мыть, платье это сдели — так она и вустала. «Ох, говорить, как я уснула». Вот оны ее тут все двенадцать целовали и миловали, взрадовались. И стали у ей выпрашивать: «Отчего ты там померла, што так случилось?» Она рассказала: «Была мать приходци, принесла мне платье. А эту-то платье заколдованное», — она от этого платья умерла. Вот оны ее тут ругали, што вам всево достаточно платья и што зачим это платье надевала? Надо б брать, а не надо надевать.

Вот она по своей должности опять стала хозяйничать. А оны опять по своим делам: куда где ездили — туда и ездют. Вот тая опять матка спрахывае: «Зеркало самоглянное! Есть ли кто на свете красивее меня?» А зеркало сказало: «Ты красива, а доть твоя красивее».

Вот она уже как дорогу знала, так и пошла туда опять. Вот она опять пришла — девушка услышала, што застуцала. Она вышла, опять увидала, што мать, опять ее переняла. Опять ее уцатила и угостила. Вот говорит: «Уже я вам теперь ницаво не принесла. Принесла вам только колецко. Наденьте вы мое колецко». Она как надела, так и умерла. И она опять отправилась — нет ей.

Вот приехало опять двенадцать разбойников. Опять нашли ону умерши. Оны опять плакали, тужили, што с ей делать. Стали опять мыть, думали оживится. Вымыли, она не оживилась. Кольца-та оны не обдумались этого снять. Вот говорят: «Не будем ону хоронить. Сделаем гроб и в саду ее повесим, будем каждый день ходить любоваться». Там може она неделю, другую лежить, — как не прогомонить, как живая лежить, ни запаху, ни духу ницаво нет. Промеж их один смотрел на нее, глядел, стал ей руки цаловать, осмотрел ей перстень, сдел этот перстень. Она: «Ох, — тяжело вздохнула, — как я уснула!» Ей ужасно и чудно, что лежить в гробу! Вот яны тут закрицали, тут завопили — вси двенадцать — шайка разбойников — тут услышали. Оны вси собрались сюда, и все взрадовались, што дорогая наша сестрица. Оны промеж себе перетолковали, што женить на тебе (!), штобы она не стала сюда ходить. Оны знали, што это волшебница ходе. Как ево женили, тут был это пир на весь мир.

Вот тут оны там сколько пожили, долго ли, коротко ли. Тая опять: «Зеркало самоглянное, есть кто на свете красивее меня?» А зеркало сказало: «Ты красива, а доть твоя красивее». Она своей головой надумала, што мне буде сделать с этой дочкой. «Вот, говорит, отправлюсь к ним в няньки, нет ли в их там маленькова». Вот она опять лесом-лесом, дорогу знает, опять пришла. И она опять хоть не в удовольствие, а ону все принимае и также угощае. Она говорит: «Я к вам в няньки пришла, вот вам гостинца принесла, съешьте

яблочка шматок». Съела яблочка шматок, сделалась лисицей и в лес маху драла.

Разбойники приехали: хозяйки дома нет. Оны подумали, поплакали, потужили. Явилась к ним старуха. Яны уже взяли яну нянчить: «Дай попробовать, што за чудная баба». Вот она няньцае, а ее карауля, што она буде делать с этим дитем. Вот она в ноц сечас открывае окошко: «Кума лиса, твое дитя плаца, ись хоца». Яна влезе сюда в окно, она пососе, она преспокойно ложится, а лиса опять в лес убежит. Яна може ноць, другую — все яны слушают, яна корми как это дитя-то.

Они стали находить которых, што могут науцить, што с этуй лисицуй сделать. Вот им призьяснил целавек, што вы ноцью покараульте. Как она в окно влезе, так вы ону возьмите. Как она влезла, он схватил эту лисицу. Вот он и держал. Она всяким разным делалась и червяком и всякой разной дицью — он все держал, покуль вертенем сделалась; он вертено сломал — она стала красная девица [!] — опять так, как была. Вот эту бабушку взяли шайка разбойников на коневьи хвосты — разорвали.

Вот и я там была и вино пила, по усам текло, в рот не попало.